

Научная статья
УДК 32.019.51-321.6/8
doi: 10.17223/1998863X/67/19

ГРАЖДАНИН В ПОТОКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КОЛЛИЗИИ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

Александр Иванович Соловьев

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, solovyev@spa.msu.ru

Аннотация. Современные потоки цифровизации, порождая новые конфигурации в отношениях государства и общества, непременно резонируют в сфере гражданской культуры. В то же время обусловленное цифровизацией изменение технических и политических параметров публичной власти и управления, порождая противоречивые отклики в культурном теле гражданского общества, поддерживает сложившейся в России приоритет традиционалистских ценностей, препятствуя свободным формам обогащения и развития гражданской культуры.

Ключевые слова: государственная власть и управление, цифровизация, гражданин, гражданское сообщество, политическая культура

Для цитирования: Соловьев А.И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216–230. doi: 10.17223/1998863X/67/19

Original article

CITIZEN IN THE STREAMS OF DIGITALIZATION: COLLISIONS OF POLITICS AND CULTURE

Aleksandr I. Solovyev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, solovyev@spa.msu.ru

Abstract. Modern flows of digitalization in various spheres of life form new configurations of social and business ties between the state and society. In fact, the current level of digital communications initiates a new chronopolitical cycle of global development. However, its specific forms depend on the strategies of the ruling political regimes, within which these processes not only generate new structures and mechanisms of power and public administration, but also resonate in the sphere of culture, in mental constructs and living standards of citizens. In the context of various strategies of the ruling regimes that focus on distancing citizens from the decision-making process, on communication with business or on strengthening national identification models, versions of the cultural evolution of civil society are also significantly modified. Responses and developments in the cultural body of the state and civil society are conditioned by various trends in the use of digital technologies. In turn, the actual political trend of digitalization mainly supports the authorities' desire to take control of those forms of challenging their positions that can provoke a crisis of legitimization, shake the stability of their dominant position. In hybrid regimes and countries of unintended authoritarianism, digital technologies are used to strengthen political and administrative control over citizens' sociopolitical activity and territorial movements, their discursive practices and deliberative arenas. Such forms of reproduction of the main information and political mechanisms of government, as well as the strengthening of control functions in the public sphere and mass discourse, not only preserve the fragmented nature of subcultural communications, but also support the spread of paternalistic and conformist

attitudes in society, create advantages for traditionalist and paternalistic values. In Russia, the digitalization of politics preserves the old fractures in the domestic cultural body, maintaining the standards of confrontational discourse and hindering the enrichment of the value experience of a Russian citizen. Preservation of the established political realities in the medium term retains risks for maintaining constructive communications between the state and society, hinders free forms of enrichment and development of civic culture, and the spread of ideals and values of democracy.

Keywords: political power, ruling regime, public administration, digitalization, citizen, civil society, political culture.

For citation: Solovyev, A.I. (2022) Citizen in the streams of digitalization: collisions of politics and culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 216–230. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/19

Цифровизация как триггер политико-культурной динамики

Мировой опыт давно и убедительно показал, что характер организации политической власти находится в прямой зависимости от используемых в государстве технических ресурсов и инструментов. За последние несколько десятилетий эта зависимость окрепла в еще большей степени, продемонстрировав качественное расширение человеко-машинных отношений, изменивших формат как государственного управления, так и жизненных горизонтов населения, профессиональных ориентиров и ценностных представлений граждан. Нынешняя стадия цифровизации, неразрывно связанная и параллельно развивающаяся с четвертой промышленной революцией («индустрией 4.0»), обуславливает активное внедрение в систему государственного управления платформенных механизмов, технологий макроанализа статистических больших данных и математических алгоритмов обработки колоссальных массивов информации, блокчейн и других инструментов распределенных реестров, роботизированного создания сетевого контекста, а также иных аналогичных технических новшеств. Это позволяет говорить о качественно новом этапе в развитии «цифрового публичного управления», о феномене «технополитики», демонстрирующей образование «политико-технических комплексов», сочетающих различные социальные и технические инструменты госрегулирования [1. С. 11].

Новый уровень цифровых коммуникаций, существенно изменяя отношения государства и общества, по сути, инициирует новый хронополитический цикл мирового развития. Однако его конкретные формы, новые оттенки взаимоотношений власти и населения, по-своему реагирующих на качественное расширение цифровых механизмов политической коммуникации и демонстрирующих особые версии использования этих инструментов, зависят от стратегий правящих политических режимов. Это, казалось бы, сугубо техническое уплотнение связей власти и населения вместе с соответствующими изменениями институционального дизайна становится еще и триггером ментальных трансформаций современного гражданина.

Эти культурные отклики цифровизации отражают не только снижение значения традиционных форм госрегулирования (the rhetorical presidency) [2. С. 349], но и демонстрируют весьма разнообразные тенденции в политическом освоении этих инструментов, устраняющих «лишние» компоненты в управлении экономическими, административными и иными процессами

(не исключая, впрочем, и анклавного, очагового проникновения «цифры» в эти социальные пространства). Понятно, однако, что культурные фильтры в силу своего рутинизированного характера из всего массива сенсорных и когнитивных реакций на информационные процессы отсеивают лишь особые, смыслозначимые оценки. Что, впрочем, делать в условиях обвального инфотрафика весьма затруднительно и потому людям часто приходится адаптироваться к цифровой реальности с внутренним грузом «неизвлекаемого смысла» окружающих их явлений. При этом культурные реакции человека могут оказаться заложниками его чувствительности к политическим скандалам и провокациям, стремительного нарастания жизненных рисков, качественного снижения доверия к институтам власти, паническим состояниям, а также другим эмоционально острым массовым настроениям, которые нередко являются продуктом токсичного сетевого контента или технологий манипулятивной социальной инженерии [3. С. 58]. В любом случае пространство цифровой политики и управления отражается на культурном теле лишь в результате ценностной реакции общества на наиболее значимые, структурные трансформации властных отношений, определяющих изменения в социальных и политических локациях человека и гражданина.

В настоящее время в мире образовалось несколько стратегий формирования инфраструктуры, складывающихся в рамках концепции «платформенного государства» и раскрывающих особые версии реформирования государственного управления на основе цифровых программных алгоритмов [4]. В этом контексте профессор Л.В. Сморгунов выделяет три наиболее заметные в современном мире тенденции цифровизации [5]. Первая – технократическая стратегия, наиболее ярко выраженная в идеологии «умной нации» в Сингапуре (Smart Nation) и направленная на расширенное использование цифровых технологий для предоставления гражданам качественных и более дешевых государственных услуг. Однако, не будучи связанной с вовлечением населения в обсуждение правительственных планов и тяготея к «непреднамеренному цифровому авторитаризму», эта стратегия во многом воплощает предсказанное З. Бжезинским еще в 1970-х гг. возникновение «полностью контролируемого общества». Вторая, условно говоря, коммерческая стратегия цифровизации развивается в Финляндии и предполагает активное использование рыночных механизмов для повышения управленческой гибкости правительства. Третья, характерная для Эстонии, утверждает зависимость технологий от действий человека и потому акцентирующую их роль в усилении объединяющего эффекта национальных традиций и формирования родственной «цифровой идентичности».

Понятно, однако, что независимо от своих содержательных отличий, эти разнообразные тенденции неизбежно выстраивают траектории своего движения в национальных рамках «оцифрованной реальности» и, следовательно, так или иначе, опираются на различные ментальные конструкции элитарных и неэлитарных слоев населения. Хотя, как можно видеть, не все из них акцентируют роль культурных компонентов на фоне лидерства цифровых параметров формирующихся «политико-технических комплексов».

Конечно, даже в целом нельзя утверждать, что культурные факторы качественно изменяют логику применения цифровых механизмов. Однако тот факт, что человек неизбежно корректирует определенные формы мировос-

приятия в условиях становления новой архитектуры организации власти, однозначно сказывается на степени поддержки им государственных проектов и целей. Потому и сегодня стремительное преобразование технико-социальной среды, будучи в известном смысле принудительным осовремениванием индивидуальной жизнедеятельности человека, неизбежно проблематизирует понимание им своего социально-политического местоположения, затрагивая и его самооценку, и понимание реальных прав в отношениях с государством, и дальнейшие жизненные перспективы. Немаловажным фактором внутренних трансформаций является и то, что гражданские структуры и сообщества подчас опережают государство в освоении новых возможностей использования цифровых инструментов. Причем как на корпоративном, так и на индивидуальном уровнях. В результате эти технологические возможности также влияют на характер политического позиционирования человека.

Как бы то ни было, но адаптация человека к новой стадии электронного окружения жизни влияет на его политическое позиционирование и реальные возможности воздействия на власть, что в свою очередь непременно побуждает его к внутренней самопроверке жизненных ориентиров и гражданских ценностей. Уже сейчас цифровая трансформация механизмов политического доминирования и управленческой архитектуры, расширяя предпосылки активизации и самоорганизации граждан, провоцирует культурную фрустрацию массового сознания, сказывается на уровне ожиданий населения от государства.

Понятно, что реакция общества на цифровое расширение политических и управленческих возможностей предельно важна и для государства, ибо технические новации и соответствующие формы общения власти и гражданина могут обрести конструктивные формы взаимодействия лишь на фундаменте адекватных идущим изменениям культурных стереотипов и ментальных конструкций. В этом смысле поколенческая или иная разница в темпах и ритмах культурного освоения цифровых инструментов превращается в условие не только эффективного осуществления власти и управления, но и сохранения государством своего статуса гражданского антрепренера.

Одним словом, в разных политических режимах индивидуальная и коллективная формы рефлексии по поводу изменения важнейших параметров местоположения человека в цифровом пространстве политического доминирования неизбежно влияют на его устойчивые, укорененные в стиле жизни ценностные ориентиры и представления. В любом случае, сегодня обществом весьма интенсивно преодолеваются прежние практики его «выключения» из прямых отношений с государством (впрочем, и за счет нецивилизованных форм активности в виде электронного мошенничества и киберанархии).

Культурные отблески основных тенденций цифровизации

В силу сложности и многогранности культурных реакций человека на информационные обновления в сфере власти и управления, объяснение их содержания предполагает определенные упрощения, что возможно сделать, к примеру, за счет выделения основных тенденций цифровизации. Первый тренд – *инструментально-технический*, который качественно расширяет информационное взаимодействие государства и общества, демонстрируя предложение населению целого ряда услуг за счет инструментов «умного управления» и «электронного правительства», а также других методов их

получения в рамках специализированных правительственных программ («цифровой экономики», «цифрового государственного управления» и др.), интегрирующих цифровые платформы, технологии блокчейна, облачной обработки данных, искусственного интеллекта и т.д. Личные кабинеты, многочисленные приложения, порталы государственных услуг, электронный банкинг и многие другие инструменты стали привычной реальностью современного человека.

Типичным последствием применения цифровых технологий стало и усиление информационной прозрачности публичных институтов, упрощение межведомственной координации, использование независимой аналитической экспертизы, внедрение новых механизмов противодействия коррупции, а также другие организационно-административные новации¹. Устойчивое обновление и совершенствование технических устройств предполагают и постоянный сбор персональных сведений, расширяющих административно-управленческие возможности как государства, так и индивида (что позволяет говорить о перспективе формирования «персональных» форм государственного управления и предоставления гражданских прав «по требованию»).

Впрочем, отдельные зоны государства все еще сохраняют свою «общественную» непроницаемость даже с учетом цифровых достижений. Так, механизмы принятия государственных решений сохраняют латентные схемы целеполагания, в значительной степени препятствуя обратной связи и возможностям привлечения независимой экспертизы. В силу этого цифровые инструменты выполняют здесь «минимальные» функции, связанные скорее с контролем за соблюдением правил дискуссии с гражданскими структурами [6. С. 14]. Причем, в России сохранение такой информационно-политической непроницаемости этой зоны государственного управления сочетается еще и с дефицитом обнародования данных по недвижимости, расходам федерального и региональных бюджетов, а также социально-экономическому эффекту от публикации государственных данных [7. С. 113]. Излишне говорить, что сохранение закрытости этой социальной арены не только провоцирует риски в отношениях государства и общества (поскольку последнее оказывается не информировано ни о структурах, анонимно принимающих решения, ни о фигурах и их интересах, лежащих в основании целей), но и наглядно показывает гражданам дистанцию, отделяющую их от совместного участия. Вполне вероятно, что такое положение в какой-то степени провоцирует тенденции к хакеризму и электронному мошенничеству.

Видимо, излишне говорить и об изменениях в информационном окружении повседневной жизни человека, где старые форматы информирования уступают место цифровым носителям, демонстрируя экспоненциальный рост пользователей социальных сетей² и позволяя прогнозировать скорое встраи-

¹ Например, в России разработана система управления программами противодействия коррупции с использованием технологий искусственного интеллекта «Посейдон».

² По данным специалистов, на сегодняшний день в мире зарегистрировано почти 3,2 млрд пользователей сетей, 79% населения развитых и развивающихся стран имеют профиль в социальных сетях [2. С. 179]. Не менее впечатляющим является и наличие «интернета вещей», означающего, что более 6 млрд окружающих человека предметов подключены к Интернету [3. С. 10]. При этом в России с населением 145,9 млн человек 129,8 млн являются интернет-пользователями. Таким образом, уровень проникновения данной информационно-коммуникационной сети в России на начало года достиг 89% от общей численности, что на 4,7% выше прошлого года [8].

вание традиционного телевидения в цифровые массмедиа. Возникающие в быту новые привычки (например, одновременного просмотра телевизионных программ и сетей (*double skinning*)) подталкивают людей к обретению новых знаний и компетенций, заставляя менять алгоритмы своей повседневной деятельности. Впрочем, здесь дают о себе знать и препятствия, вызванные возрастными сложностями обучения пользовательскими программами, привычками к преимущественному использованию бумажных носителей, предпочтениями к непосредственным формам общения и другим формам жизнедеятельности, сужение которых вызывает у людей травматический эффект. В силу этого у отдельных категорий населения проблемы с их адаптацией к темпам развития технической среды провоцируют дискомфорт и настороженность к цифровым инструментам, стремление сузить ареал технических средств в своей жизни. И лишь молодежь успевает осваивать и лидировать в освоении новых инструментов коммуникации.

И все же в целом, даже констатируя сохраняющееся в обществе компетентностное неравенство в области использования цифровых технологий, следует признать качественное расширение предпосылок активности населения (как потребителей государственных услуг и товаров в новом формате), так и обновление обыденных представлений граждан при взаимодействии с государством. И даже на фоне характерных для сегодняшнего времени рисков усиления административно-информационного контроля или провалов в защите персональных данных люди активно вовлекаются в новый формат взаимодействия. Провоцируя трансформацию бытовых форм жизнедеятельности человека, эти новации постепенно изменяют стандарты потребления, способствуя психологическому привыканию к новому формату взаимодействия с государством и некоторому изменению ориентационной схематики. Другими словами, цифровые изменения в области управленческих технологий не способны привести к масштабным трансформациям культурного тела общества. И даже у чиновников такие подвижки не стимулируют отказ от накапливавшихся десятилетиями корпоративных ценностей и бюрократических предрассудков.

Куда более существенным основанием культурных трансформаций современного гражданина является собственно *политическая* тенденция цифровизации, которая целиком и полностью зависит от характера правящих режимов, по-своему налаживающих отношения власти с населением в рамках оппонирующего партнерства государства и общества и сочетающих инструменты офлайн и онлайн политического управления.

В рамках этой исключительно обширной тенденции основные культурные последствия цифровизации по преимуществу связаны с различными гранями политического соперничества правящего режима и общества, влияющего на позиционирование каждого индивида. Так, вряд ли можно ошибиться, полагая, что основные культурные отблески этой тенденции зависят от цифровой стратегии правящих режимов, направленной на сохранение политических порядков и демонстрирующей стремление властей взять под контроль те формы оспаривания их позиций, которые способны спровоцировать кризис легитимации, поколебать устойчивость их доминирующего положения. Иными словами, граждане, прежде всего, реагируют на те цифровые методы, которые правящий режим применяет для воспроизводства политического

господства, по-своему сочетая их с поиском перспективных социально-экономических решений.

Наиболее типичной формой проявления этой политической стратегии становится масштабное использование цифровых (в том числе биометрических) технологий для политико-административного контроля за общественно-политической активностью и территориальными перемещениями граждан, их дискурсивными практиками. Но если в демократических странах эти задачи решаются на правовом фундаменте, защищающем права человека и гражданина, то в авторитарных и гибридных режимах власти постоянно соскальзывают от противоборства с радикальными группировками к противостоянию с критическому контентом, рассматриваемым ими как угроза госбезопасности и национальному суверенитету. Таким образом, под удар, прежде всего, попадают арены политической делиберации (необходимые для рационализации взаимоотношений элиты и населения и использования массмедиа против манипуляций общественным мнением [9. Р. 70]), вводятся ограничения на доступ населения к общественно значимой информации, осуществляется блокировка интернет ресурсов оппозиции и запрещаются внесистемные сайты, осуществляется цензурирование и расширяются полномочия спецслужб, ограничиваются возможности сетевого фрейминга (в том числе и используемого людьми для повседневного общения), а также проводятся иные мероприятия, позволяющие властям создавать «прозрачное» общество, исключаяющее риски делегитимации правящих режимов.

С этим комплексом задач напрямую связано и оценивание обществом действий властей по поводу борьбы с киберпреступностью, предотвращения рисков незаконного проникновения электронных мошенников в личную информацию граждан, присвоения интеллектуальной собственности, незаконного использования материальных и интеллектуальных активов гражданина (в виде продажи персональных данных корпоративными структурами и государственными фигурами). В данном случае людям важно знать, что государство охраняет их персональную информацию в интересах граждан, а не злоупотребляет своими правами в узкоэгоистических целях. В силу этого данный аспект цифровой политики властей становится мощным триггером не только воспламенения общественной повестки и политически значимых эмоций, но и корректировки ориентационных воззрений населения.

Наряду с обозначенными аспектами политического применения цифровых инструментов типичной культурно значимой ареной является и информационно-символическое пространство. Опять-таки, по сравнению со странами демократического пула, граждане, проживающие в государствах с жесткими правящими режимами, имеют возможность сполна оценить практики их вытеснения за рамки публичных дебатов, создания странового суверенного Интернета и вытеснения из медиа пространства мировых информационных гигантов, устойчивое применение технологий дополненной реальности и латерального таргетинга в целях фабрикации общественных интересов и ценностей¹. При этом в ряде стран даже стремление властей сохранить «демократический» имидж не препятствует перетеканию админи-

¹ Представляется, что во многом именно из-за масштабных практик авторитарных и гибридных режимов по регулированию информационного пространства и поддержанию асимметричных гибридных коммуникаций [11] в мире произошло глобальное сокращение свободы Интернета [10. С. 153].

стративного контроля в политические ограничения гражданских прав и свобод и репрессии против гражданских лидеров и активистов. В этом контексте, возможно, самый показательный пример дает опыт КНР, где перечень предоставляемых гражданам государственных услуг напрямую зависит от степени их политической лояльности.

На фоне практик, снижающих возможности общества в поддержании конструктивной и свободной коммуникации с властью, ряд ученых все же усматривает источники увеличения цифровых и политических ресурсов общества. Прежде всего, за счет активности блогеров, расцениваемых ими как лидеров общественного мнения, создающих для государства новую рамку отношений, предполагающую неизбежную реакцию властей на продвижение общественной повестки и запросов граждан, оказывающих серьезное давление на публичные институты [10. С. 127, 143]. Думается, однако, что более убедительной трактовкой новой роли блогеров является признание политического влияния лишь небольшого числа наиболее известных и популярных фигур (Influencer) [3. С. 18]. Впрочем, и они не в состоянии изменить характерные для национального государства механизмы принятия решений (формирующиеся под давлением неформальных сегментов правящего класса и которые, кстати, используют значительную часть блогосферы в своих интересах) или же противопоставить позициям властей и их лидеров какую-то влиятельную общественную программтику. Так что даже возможные преимущества общества в части освоения цифровых технологий все равно сохраняют преимущества государства как в части обладания ресурсами, так и целенаправленного регулирования общественными процессами. Коротко говоря, преимущество политической воли и инструментов принудительного регулирования по-прежнему остаются в руках государства. И этого не может изменить ни усиление интернет-давления граждан, ни намечающийся исторический переход от «демократии масс» к «демократии публик» (С. Московичи).

Подтверждением этому служит и масштабное использование властью цифровых инструментов для наращивания репутационного капитала правящих режимов вопреки усилиям оппонентов. Хотя, конечно, стоит уточнить, что успешность такой политики зависит, как от способности властей контролировать ключевые национальные СМИ и медиа-идеологии, так и от качества проводимой государственной информационно-символической политики (создающей интерпретационные рамки массового дискурса и предлагающей населению модели и нормы гражданской активности на основе апелляции к высоким символам и архетипическим конструкциям национального менталитета). Более того, эффективность этих усилий государства зависит и от качества разрабатываемых в рамках такой символической самопрезентации политических проектов, складывающихся на фоне политической коррозии партийных программ и разрушения крупных идеологических течений¹.

¹ В данном аспекте следует констатировать, что совсем недавние представления о государственной информационной политике, рассматривавшейся в начале нулевых как инструмент обеспечения потребностей гражданского общества, сегодня меняются на более аутентичные представления, аттестующие эту линию активности государства как совокупность отдельных медиапроектов крупных политических инвесторов, для которых государственные цели являются прямым выражением их корпоративных интересов. Не случайно еще десятилетие назад в России рынок отечественных СМИ был организован таким образом, что почти все основные медиаресурсы стали принадлежать или «Газпром-медиа», или близким к власти бизнесменам [12].

Однако, учитывая отмеченные ранее «охранительные» интенции активности властей, можно констатировать, что результаты их пропагандистской активности не только сохраняют прежние расколы массовой политической культуры, но и порождают новые формы ценностной интерференции (на актуальном историческом материале активируя конфликты, связанные с миграционными потоками, геополитическими противоречиями, этнической некомплимментарностью разных народов и т.д.). В ряде стран такое положение способствует тому, что политические конфликты, отражаясь в различных формах властного проектирования, вытесняют из политического пространства не только интересы гражданского населения (заинтересованного в жизненном благополучии, саморазвитии), но и попирают гуманистические основания культуры, ее генетическую ориентацию на взаимное обогащение ценностей и ориентаций. И если что-то и тормозит осуществление этой стратегии в авторитарных государствах, так это действия самих правящих кругов, нередко использующих цифровые технологии как средство ведения прежней политики, где решающую роль играют не коммуникации, а интересы и институты. В этом смысле пропагандистская агрессия медиаидеологий формирует такие грани политической реальности, которые вместо поощрения культурно-экспериментальных (коммуникативно-поисковых) форм активности населения провоцируют воспроизводство отягощенных многочисленными фобиями консервативных и даже этнологических ориентаций в повседневной жизнедеятельности человека. В этих условиях агрегаторами культурной активности человека становятся различные формы традиционализма со всем шлейфом его мировоззренческих приоритетов – патримониализмом, конформизмом, начетничеством и проч.

Российская цифровизация в зеркале культурных трансформаций

В современной России помимо универсальных противоречий в национальном теле культуры при активном использовании инструментов цифровизации воспроизводится и ряд традиционных конфликтов, связанных с различными гранями политического развития и управления.

В целом на фоне расширения информационного поля политики многослойность отечественного культурного тела сохраняет прежние разломы и точки дискommunikации, препятствующие обогащению ценностного материала общества. Институциональные и коммуникативные механизмы, препятствующие «культурному вторжению Запада», не только конструируют искусственные водоразделы «наших» и «ненаших» (вытесняющих из публичного дискурса либерально-демократические ценности), но и поддерживают устойчивый тренд к ужесточению взаимоотношений государства и общества. На фоне санкционного давления и рост русофобии в западном мире этот конфронтационный дискурс не только усиливает принципы дихотомического мировосприятия, но и реанимирует хорошо известные по советскому опыту стандарты массового «оборонного сознания». И хотя устами Д.А. Медведева власти утверждают, что страна не собирается «закрываться от мира», налицо все признаки вызревания автаркических тенденций.

По сути, сегодняшнее время формирует такие же – по силе влияния – обстоятельства, которые сложились в первые постсоветские годы, когда «пат-

риотически мыслящие люди» проявляли «неспособность дистанцироваться от непопулярных» действий правительства и «действовать самостоятельно», оказавшись «в полной растерянности, когда к власти приходят неоконсервативные силы» [13. С. 323].

Упрощая социокультурную ситуацию, можно предположить, что культурные отклики цифровизации имеют в России два существенных разветвления. Так, применительно к обществу в целом можно констатировать, что использование новых инструментов в системе власти и государственного управления, интенсифицировав практику постановочных политических институтов и акций¹, не изменило и даже не снизило «фрагментацию и противоречивость общественного сознания», в рамках которого «просматриваются несколько мировоззренческих типов, выстраивающихся в спектре от стихийных традиционалистов, «традиционалистов-этакратов», разочаровавшихся традиционалистов и до модернистов и постмодернистов» [15. С. 158]. При этом есть все основания полагать, что именно подобные управленческие практики вольно или невольно поддерживают рутинизированную реакцию массовой политической культуры на идущие трансформации, соответствующим образом расширяя численность граждан, склоняющихся к патерналистской модели государства².

В то же время культурная реакция молодежи, как известно, наиболее адекватно вписывающейся в процессы цифровизации и наиболее остро воспринимающей реальный ценностно-ориентационный плюрализм, обладающий для нее важнейшим онтологическим статусом (Д. Мур), демонстрирует иные предпочтения и ориентиры. Они, собственно, и влияют на понимание молодыми людьми своих возможностей и перспектив развития в общем контексте социальной жизни. Иначе говоря, ее ценностные «символы-сигнификаторы» (помогающие «ориентироваться в системе политических отношений») и «символы-интеграторы» (дающие возможность различать в политике параметры «справедливого и несправедливого, полезного и вредного, неизбежного и случайного, необходимого и ненужного, постоянного и сиюминутного», что помогает ей усваивать «значение тех или иных ценностных приоритетов... принципов политического устройства... причинно-следственные связи между отдельными политическими событиями») [19. С. 162] демонстрируют иные формы культурной реакции на процессы цифровизации и особенности российской публичной политики. А ведь по прошествии 7–10 лет именно эта часть общества станет у руля общественных преобразований.

С одной стороны, молодежь, вроде бы, вписывается в общий тренд нарастания конформизма, лояльности и приспособленчества, усиливающего влияния на ее сознание консьюмеристской психологии, что неизбежно влечет

¹ К этим проявлением «кажимости» политического процесса специалисты относят создание партий-спойлеров, «псевдопарламентов», «псевдовыборов», «псевдосудов» или же «псевдосвободных СМИ», в сумме своей формирующих состояние «псевдопубличности» [14].

² Так, по данным Левада-Центра (выполняет функции иноагента), 10 лет назад 63% опрошенных видели преимущество жесткого контроля перед предоставлением людям свободы и ограничением участия государства функцией контроля [16]. В 2020 г. 49% граждан считало, что стране постоянно нужна сильная рука и еще 26% полагали, что это полезно еще и в отдельных случаях [17]. Также социологи сигнализируют о том, что за последние полгода доля россиян, не готовых лично более активно участвовать в политике, увеличилась с 74 до 78% [18].

трансформацию традиционно понимаемой гражданственности в психологию «потребителей общественных благ и ценностей» [20]. В то же время почти у трех четвертей опрошенных социологи фиксируют отказ от участия в общественной деятельности [21], в ряде случаев сочетающийся даже с отказом от выполнения гражданских обязанностей [22. С. 57]. Показательно и то, что молодежный конформизм, сочетаясь с дефицитом политической идентификации с партийными и идейно-политическими требованиями [23. С. 106], провоцирует усиление симпатий молодых людей к «космополитической идентификации» (с 4–6% фиксируемых несколько лет назад до 11% в 2021 г.) [24] и повышение «отчужденного отношения... к своей стране», «отсутствие заинтересованности в ее судьбе» [25. С. 117]. Что вполне определенно свидетельствует о нарастании постепенного ослабления символических связей молодых поколений со своей страной [26]. Не случайно, как пишут Т.В. Евгеньева и А.В. Селезнева, «все субъекты, прямо или косвенно имеющие отношение к власти или государству», рассматриваются молодыми людьми как «чужие» (в то время как «свои» составляют «семья, друзья, члены группы в сети Интернет»). При этом «предательство (часто при этом уточняемое как «предательство соратников») респонденты называют значимым аморальным поступком», в то время как «измена Родине набирает меньше одного процента» [27. С. 283].

С другой стороны, по данным региональных исследований, от 66,67 и до 77,5% студенческой молодежи выражают уверенную поддержку либеральным ценностям [28], которые органически связаны как с гражданской активностью человека, так и его ответственностью по отношению к обществу. При этом 12,6% молодых россиян предпочитают конфликтный характер проявления гражданского активизма, сопряженного с критическим отношением к действующей власти [22. С. 57] и к ее отдельным геополитическим проектам.

В целом эти молодежные приоритеты так или иначе являются реакцией на действующие в стране политико-административные ограничения и информационное давление пропаганды, предлагающей молодым людям односложные ответы на вызовы современного мира. С точки зрения потребностей свободного саморазвития человека такое положение означает глубокую коррозию субкультурного пространства общества, способную сохранить свои травматические очертания на время, соотнесенное с жизнью этих поколений. В любом случае, однако, наличие поколенческих ножниц в культурном восприятии общества политической власти и управления является весьма тревожным сигналом, учитывая не только перспективы будущего позиционирования молодежи, но и способность культурных противоречий к повышению внутренней напряженности в обществе.

Однако достаточно очевидные представления о сохранении нынешнего внутри- и внешнеполитического курса позволяют говорить и о сохранении в среднесрочном горизонте доминирования консервативных и традиционалистских оснований национальной политической культуры. Точнее говоря, той ее субкультурной части, которую отличает синкретическое единство недоверия к власти и низкого уровня общественной солидарности с притерпелостью и механическому подчинению политически доминирующим силам.

Так что если цифровизация и расширяет информационную открытость мира, то политический курс правящих кругов все явственнее сокращает гу-

манитарный и консесуальный потенциал культурного обновления. Расширение цифровых возможностей культурной динамики общества сталкивается с практиками жесткой императивной координации в отправлении власти и с институциональным подкреплением внеевропейской траектории политических коммуникаций. А требования общества по части усиления личной информационной безопасности, ослабления контроля со стороны власти, саморазвития личности и сохранения гарантий гражданских прав и свобод все еще перемешиваются с «ястребиным клекотом» реакционеров (М. Горбачев), преследующих отнюдь не общественные цели. Одного этого фактора достаточно, чтобы констатировать невозможность изменений в разрозненном политико-культурном генотипе российского общества, снижение приоритетов его традиционалистских ориентиров.

Представляется, что эти травматические коллизии массовой культуры не просто вредят укреплению культурной самобытности российского общества, но и укрепляют ту историческую «культурную эстафету», которую страна унаследовала от Византийской империи (А. Тойнби). Понятно, что такая тенденция будет лишь укреплять стереотипы гражданской несамодостаточности индивида, усиливать включение властей в его диалог с миром в качестве обязательного наставника и попечителя. Соответственно, вызревание новых культурных ориентиров будет неизбежно превращаться в поединок людей с официальными нормами и установкой их единомышленников, нацеленных на безоговорочную «победу» своих ценностей. Однако с этим багажом страна будет последовательно утрачивать европейскую ментальность даже в недрах образованного класса, тем самым усекая культурное разнообразие российской жизни и поощряя дисциплинированность в ее восприятии.

Одним словом, цифровизация, провоцируя новую стадию «прерывности и изменения» российского типа цивилизации, тем не менее, обнаруживает ее старую проблему — отсутствие внутреннего «органического единства» (Н. Бердяев), которое способно многократно усилить возможности общественного развития. Но хватит ли у цифровизации в будущем возможностей, если не для коррекции традиционалистских ориентаций, то хотя бы для расширения культурного поля и усиления находящейся в дефиците «общественной воли» (П. Чаадаев)? Время покажет.

Список источников

1. *Сморгунов Л.В.* Три стратегии политики цифровизации: государственное управление и трансформационный потенциал цифровых технологий // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021 / Российская Ассоциация политической науки ; под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Соловьева, А.И. Щербинина, Москва ; Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 9–33.
2. *Основы теории и практики интегрированных коммуникаций и медийной политики в «новой реальности»* / под ред. П.В. Меньшикова. М. : МГИМО, 2022. 462 с.
3. *Стратегические коммуникации в цифровую эпоху. Новые технологии* / под ред. Л.С. Сальниковой. М. : Научная библиотека, 2019. 298 с.
4. *O'Reilly T.* What's the Future and Why It's up to Us. London: Penguin Random House, 2017. 422 p.
5. *Сморгунов Л.В.* Политическая онтология цифровизации // Политическое в условиях цифровых трансформаций : материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–25 октября 2021г. / под ред. А. Курочкина, Л. Сморгунова, О. Игнатьевой. М. : Аспект Пресс, 2022. С. 10–17.
6. *Кондратенко К.С.* Институциональная рекурсивность публичных социотехнических систем // Демократия и управление: Информационный бюллетень «Политическая онтология циф-

ровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2021. № 1. С. 13–17.

7. Косоруков А.А. Цифровое государственное управление. М.: Макс Пресс, 2020. 281 с.

8. Digital 2022. Russian Federation // We Are Social URL: <https://disk.yandex.ru/i/HFmsAxsAsb2qSg>. (дата обращения: 14.03.2022)

9. Fishkin J.S. When the people speak: Deliberative democracy and public consultation New York: Oxford University Press, 2009. 256 p.

10. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Проспект, 2021. 413 с.

11. Moe W.W., Schweidel D.A. Social Media Intelligence. New York : Cambridge University Press, 2013. 200 p.

12. Кто владеет СМИ в России: ведущие холдинги // BBC. 2014. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140711_russia_media_holdings (дата обращения: 25.04.2022).

13. Политическая культура: теория и национальные модели / К.С. Гаджиев, Д.В. Гудименко, Г.В. Каменская и др. М.: Интерпракс, 1994. 352 с.

14. Шалюгина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Ростов н/Д, 2012. 62 с.

15. Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства // Полис. 2021. № 6. С. 155–170.

16. Левада-Центр (<https://www.levada.ru/2011/01/17/paternalistskie-nastroeniya-rossiyan/>) (дата обращения: 25.05.2022).

17. Левада-Центр (<https://www.levada.ru/2020/02/25/gosudarstvennyj-paternalizm/>) (дата обращения: 20.05.2022).

18. Левада-Центр (<https://iarex.ru/sociology/67803.html>) (дата обращения: 25.05.2022).

19. Пушкарёва Г.В. Конфликтное поле российской символической политики // Конфликтное поле публичной политики: опыт, уроки и перспективы российского общества / под ред. А.И. Соловьёва, Г.В. Пушкарёвой. М.: Аргмак-медиа, 2022. 336 с.

20. Bennett W.L. Branded political communication: Lifestyle politics, logo campaigns, and the rise of global citizenship // Politics, products and markets: Exploring political consumerism, past and present. 2004. Past and Present. P. 101–125

21. Ильинский И.М., Луков В.А. Феномен комсомола и современные тенденции развития молодежного движения в России // Социологические исследования, 2018. № 10. С. 44–53.

22. Роль молодежных организаций в процессе политической социализации российской молодежи / под ред. О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой. СПб.: Скифия-принт, 2019. 245 с.

23. Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

24. Задорин И. Выступление на конференции «Государственное управление: современные вызовы». Факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. 7.12.2021. URL: <http://conf.spa.msu.ru/> (дата обращения: 12.12.2021).

25. Селезнева А.В., Смутькина Н.В., Яковлева А.Ф. Образ России в структуре гражданского самосознания молодежи: визуальное измерение // ПРАΞНМА. 2021. № 2 (28). С. 110–129.

26. Сащенко Н.П. О характере социально-политических представлений о России в символическом пространстве национально-государственной идентичности // XI Международная Грушинская социологическая конференция «Пересборка социального, или Насколько дивным будет новый мир?», 17.05.2021–29.05.2021. URL: https://orel.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=422679

27. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Моральное и политическое в представлениях российской молодежи в контексте ее социально-политической самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 278–287.

28. Пушкарёва Г.В., Михайлова О.В., Батоврина Е.В. Политические ориентации российского студенчества: региональный срез // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 19–33.

References

1. Smorgunov, L.V. (2021) Tri strategii politiki tsifrovizatsii: gosudarstvennoe upravlenie i transformatsionnyy potencial tsifrovyykh tekhnologiy [Three strategies of digitalization policy: public administration and the transformational potential of digital technologies]. In: Gaman-Golutvina, O.V., Soloviev, A.I. & Shcherbinina, A.I. (eds) *Mozaichnoye pole mirovoy i rossiyskoy publichnoy politiki. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2020–2021* [A Mosaic Field of World and Russian Public Policy. Political Science: Yearbook 2020–2021]. Moscow; Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–33.

2. Menshikov, P.V. (2022) *Osnovy teorii i praktiki integrirrovannykh kommunikatsiy i mediynoy politiki v "novoy real'nosti"* [Fundamentals of the Theory and Practice of Integrated Communications and Media Policy in the "New Reality"]. Moscow: MSIIR.
3. Salnikova, L.S. (2019) *Strategicheskie kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu. Novye tekhnologii* [Strategic Communications in the Digital Age. New Technologies]. Moscow: Nauchnaya biblioteka.
4. O'Reilly, T. (2017) *What's the Future and Why It's up to Us*. London: Penguin Random House.
5. Smorgunov, L.V. (2022) Politicheskaya ontologiya tsifrovizatsii [Political ontology of digitalization]. In: Kurochkin, A., Smorgunov, L. & Ignatieva, O. (eds) *Politicheskoe v usloviyakh tsifrovyykh transformatsiy* [The Political Under Digital Transformations]. Moscow: Aspekt press. pp. 10–17.
6. Kondratenko, K.S. (2021) Institutsional'naya rekursivnost' publicnykh sotsiotekhnicheskikh sistem [Institutional Recursiveness of Public Sociotechnical Systems]. In: *Demokratiya i upravlenie* [Democracy and Governance]. Information Bulletin "Political Ontology of Digitalization: A Study of the Institutional Foundations of Digital Formats of State Governance". 1. pp. 13–17.
7. Kosorukov, A.A. (2020) *Tsifrovoe gosudarstvennoe upravlenie* [Digital Public Administration]. Moscow: Maks Press.
8. Russian Federation. (2022) *Digital 2022. We Are Social*. [Online] Available from: <https://disk.yandex.ru/i/HFmsAxsAsb2qSg> (Accessed: 14th March 2022)
9. Fishkin, J.S. (2009) *When the people speak: Deliberative democracy and public consultation*. New York: Oxford University Press.
10. Volodenkov, S.V. (2021) *Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya: navstrechu tsifrovomu obshchestvu* [Internet communications in the global space of modern political management: towards the digital society]. Moscow: Prospekt.
11. Moe, W.W. & Schweidel, D.A. (2013) *Social Media Intelligence*. New York: Cambridge University Press.
12. BBC. (2014) *Kto vladeet SMI v Rossii: vedushchie kholdingi* [Who owns the media in Russia: leading holdings]. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140711_russia_media_holdings (Accessed: 25th April 2022).
13. Gadzhiev, K.S., Gudimenko, D.V., Kamenskaya, G.V. et al. (1994) *Politicheskaya kul'tura: teoriya i natsional'nye modeli* [Political Culture: Theory and National Models]. Moscow: Interpraks.
14. Shalyugina, T.A. (2012) *Imitatsiya v sovremennom rossiyskom obshchestve: sushchnost', sub"ekty vozdeystviya, sotsial'noe prostranstvo proyavleniya* [Imitation in modern Russian society: essence, subjects of influence, social space of manifestation]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Ro-stov on Don.
15. Tikhonova, N.E. (2021) Russians' perceptions of the relationship between the individual and state interests: an empirical analysis of dynamics. *Polis – Political Studies*. 6. pp. 155–170. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2021.06.11
16. Levada-tsentr. (2011) *Paternalistskie nastroyeniya rossiyan* [Paternalist moods of Russians]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2011/01/17/paternalistskie-nastroyeniya-rossiyan/> (Accessed: 25th May 2022).
17. Levada-tsentr. (2020) *Gosudarstvennyy paternalizm* [State Paternalism]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/02/25/gosudarstvennyj-paternalizm/> (Accessed: 20th May 2022).
18. Ivakhnik, A. (2019) *Opros Levada-Tsentra o sostoyanii politicheskogo soznaniya rossiyan ne vyyavil ser'eznoy dinamiki* [Survey by Levada Center on the state of political consciousness of Russians did not reveal serious dynamics]. [Online] Available from: <https://iarex.ru/sociology/67803.html> (Accessed: 25th May 2022).
19. Pushkareva, G.V. (2022) Konfliktnoe pole rossiyskoy simvolicheskoy politiki [The conflict field of Russian symbolic politics]. In: Soloviev, A.I. & Pushkareva, G.V. (eds) *Konfliktnoe pole publichnoy politiki: opyt, uroki i perspektivy rossiyskogo obshchestva* [The conflict field of public policy: experience, lessons and prospects of the Russian society]. Moscow: Argamak-media.
20. Bennett, W.L. (2004) Branded political communication: Lifestyle politics, logo campaigns, and the rise of global citizenship. In: Stolle, D. *Politics, Products and Markets: Exploring Political Consumerism, Past and Present*. Routledge. pp. 101–125
21. Ilinskiy, I.M. & Lukov, V.A. (2018) The Phenomenon of the Komsomol and Modern Trends in the Development of the Youth Movement in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 44–53. (In Russian).
22. Popova, O.V. & Shashkova, Ya.Yu. (eds) (2019) *Rol' molodezhnykh organizatsiy v protsesse politicheskoy sotsializatsii rossiyskoy molodezhi* [The role of youth organizations in the process of political socialization of Russian youth]. St. Petersburg: Skifiya-print.

23. Radaev, V.V. (2019) *Millenialy. Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: HSE.

24. Zadorin, I. (2021) *Vystuplenie na konferentsii "Gosudarstvennoe upravlenie: sovremennye vyzovy"* [Speech at the conference "Public Administration: Modern Challenges"]. Faculty of Public Administration of Moscow State University. December 7, 2021. [Online] Available from: <http://conf.spa.msu.ru/> (Accessed: 12th December 2021).

25. Selezneva, A.V., Smulkina, N.V. & Yakovleva, A.F. (2021) The image of Russia in the structure of the civic consciousness of the youth: a visual dimension. *ИПАЭЖМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭЖМА. Journal of Visual Semiotics*. 2(28). pp. 110–129. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-110-129

26. Sashchenko, N.P. (2021) O kharaktere sotsial'no-politicheskikh predstavleniy o Rossii v simvo-licheskom prostranstve natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti [On the nature of socio-political ideas about Russia in the symbolic space of national-state identity]. *Peresborka sotsial'nogo, ili naskol'ko divnym budet novyy mir?* [Reassembly of the Social, or How Wonderful Will the New World Be?]. Proc. of the 11th Grushin Sociological Conference. May 17 – 29, 2021. [Online] Available from: https://orel.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=422679

27. Evgenieva, T.V. & Selezneva, A.V. (2022) Russian Youth's Perception of the Moral and the Political in the Context of Their Sociopolitical Self-Identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 278–287. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/65/23

28. Pushkareva, G.V., Mikhaylova, O.V. & Batovrina, E.V. (2021) Political Orientation of Russian Students: Regional Profile. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences*. 22(1). pp. 19–33. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-22-1-19-33

Сведения об авторе:

Соловьев А.И. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: solovyev@spa.msu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Solovyev A.I. – Dr. Sci. (Political Science), professor, head of the Political Analysis Department Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: solovyev@spa.msu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2022;

одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 24.04.2022;

approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 11.07.2022